

DK127.5
ТЗТЗ
1901

772-99
MPF

STANFORD
LIBRARIES

Ю. Татищевъ.

КЪ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНІЯ

Ю. ТАТИЩЕВЫМЪ

СЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦІЕЙ.

(1737—1739 г.г.).

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САНКТОПЕТЕРБУРГЪ, ДОН. 1.

1901

Ю. Татищевъ.

КЪ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

В. Н. ТАТИЩЕВЫМЪ

ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦІЕЙ.

(1737—1739 г.г.)

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРОВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1901

(Оттискъ изъ втораго тома Трудовъ Археографической
Коммисіи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археоло-
гическаго Общества).

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго
Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Н. А. Поповъ въ предисловіи къ своему извѣстному изслѣдованію „В. Н. Татищевъ и его время“¹⁾, перечисляя матеріалы, на основаніи которыхъ составлена его монографія, упоминаетъ между прочимъ о томъ, что для полноты его изслѣдованія ему не хватило бумагъ, относящихся къ обѣимъ суднымъ комиссіямъ надъ Татищевымъ. Затѣмъ, прослѣдивъ его жизнь и дѣятельность до назначенія суда надъ нимъ, онъ говоритъ: „Къ сожалѣнію, дѣла слѣдственной надъ Татищевымъ комиссіи остаются пока покрытыми мракомъ неизвѣстности. Лишь по нѣкоторымъ случайнымъ отрывкамъ изъ нихъ можно судить объ общемъ характерѣ слѣдованія и его результатахъ“²⁾. Впослѣдствіи, когда Н. А. Поповъ уже былъ управляющимъ московскимъ архивомъ министерства юстиціи, его пожеланія отчасти исполнились:—между дѣлами сената нашлись бумаги 1-й слѣдственной надъ Татищевымъ Коммиссіи. Намъ неизвѣстны причины, которыя не позволили Нилу Александровичу использовать этотъ богатый матеріалъ, всю важность котораго онъ хорошо сознавалъ; матеріалъ этотъ остался неизвѣстенъ и позднѣйшимъ біографамъ Татищева и можетъ быть оставался бы еще долго въ томъ же положеніи, если бы счастливый случай не познакомилъ съ нимъ пишущаго эти строки во время его занятій исторіей рода Татищевыхъ.

1) В. Н. Татищевъ и его время стр. 3.

2) Ibid. стр. 204.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію данныхъ, открываемыхъ новыми документами, я позволю себѣ вкратцѣ напомнить дѣятельность Татищева за періодъ, который охватываютъ предлагаемыя бумаги.

Врученіе Татищеву управленія всеми горными заводами сильно не нравилось Бирону. Строгий охранитель казеннаго интереса, Татищевъ, не смотря на свое подчиненное положеніе, не позволялъ генераль-бергъ-директору Шомбергу, за спиной котораго обогащался самъ Биронъ, никакихъ злоупотребленій и въ началѣ 1738 г. отправилъ въ кабинетъ представленіе о его „худыхъ поступкахъ“. Шомбергъ и Биронъ запомнили это. Подкопаться однако подъ Татищева очевидно еще не представлялось поводовъ, а избавиться отъ него слѣдовало во что бы то ни стало. Какъ разъ въ это время умеръ командиръ Оренбургской Коммиссіи Кирилловъ, которому Татищевъ дѣятельно помогалъ усмирять возмущившихся и не позволявшихъ строить Оренбурга башкиръ; смерть его открыла вакантную должность, на которую требовался челоувѣкъ энергичный, знающій и дѣятельный, и именнымъ указомъ отъ 10 мая 1737 года Татищевъ былъ назначенъ командиромъ Оренбургской Коммиссіи съ пожалованіемъ ему чина тайнаго совѣтника. На Татищева была возложена трудная и отвѣтственная задача. Нужно было окончательно успокоить возмущившійся край: въ памяти башкиръ свѣжо еще сохранились ужасы, которыми сопровождалась дѣятельность русскихъ воеводъ и командировъ въ новомъ краѣ, и они очень недовѣрчиво относились къ тѣмъ благамъ, которыя имъ сулило русское подданство. Край былъ почти разоренъ; какъ русскіе насельники, такъ и башкиры сильно потерпѣли отъ усмиренія мятежа, мѣры жестокости, сопровождавшія это

успокоеніе не приводили ни къ чему, озлобляя только населеніе. Успокоеніе и восстановленіе благосостоянія края было возложено на Татищева, кромѣ того ему предстояло еще достроить Оренбургъ, заложенный Кирилловымъ, и стараться всѣми силами привести въ русское подданство киргизъ-кайсаковъ или по крайней мѣрѣ не давать имъ вредить русскимъ интересамъ. Вступивъ въ исполненіе своихъ обязанностей, Татищевъ сейчасъ же сталъ примѣнять почти не примѣнявшееся до сихъ поръ коллегіальное начало и постарался сократить произволь отдѣльныхъ личностей, которымъ тогда характеризовалось мѣстное правленіе. Онъ тотчасъ же открылъ генеральный совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, состоявшій изъ командировъ, воеводъ и штабъ-офицеровъ. Для замиренія башкиръ и усиленія средствъ къ удержанію ихъ въ покорности всѣ башкирскія земли были раздѣлены по его предложенію на правительственныя округа; такимъ образомъ создавалась Исетская провинція и была предположена, но не утверждена, Мензелинская. Кромѣ того беззащитное взяточничество, доходившее до самаго наглаго открытаго грабежа населенія и казны, бывшее однимъ изъ главныхъ поводовъ къ возмущенію, было строго запрещено Татищевымъ подъ страхомъ жестокаго наказанія. Василій Никитичъ понималъ, что одними мѣрами строгости съ башкирами ничего сдѣлать нельзя, и поэтому старался уничтожить самый корень смущавшаго ихъ зла. Нельзя не отмѣтить одной изъ мѣръ Татищева въ этомъ направленіи: прежде ясакъ и разныя пошлины собирали съ башкиръ русскіе цѣловальники и ясачники, причемъ, конечно, допускались всевозможныя злоупотребленія. Татищевъ предложилъ передать эту обязанность башкирскимъ старшинамъ, что

значительно облегчило положеніе инородцевъ. Съ тою же цѣлью — поднятія экономическаго состоянія края онъ предлагалъ между прочимъ Кабинету уравнивать въ платежѣ пошлинъ мирныхъ башкиръ съ мещеряками, черемисами и другими инородцами, не принимавшими участія въ возстаніи.

Много хлопотъ доставили Татищеву сношенія съ киргизскимъ ханомъ Абдуль-Хаиромъ, имѣвшимъ свои виды на Башкирію; послѣ долгихъ переговоровъ и уговоровъ, осложнявшихся еще тѣмъ, что ханъ прикидывался необыкновенно ревностнымъ сторонникомъ русскихъ интересовъ, послѣ многихъ визитовъ, угощеній и даровъ предприимчивый ханъ былъ выпровоженъ со своею ордою за Уралъ и, по выраженію одного изъ біографовъ Татищева, киргизы „въ чувства челоуѣчества были приведены“.

Подробное изложеніе дѣятельности Татищева далеко вывело бы насъ за предѣлы нашего обзора, нельзя даже бѣгло перечислить всѣхъ его трудовъ и заботъ для дальнѣйшаго успокоенія продолжавшаго глухо волноваться края, по постройкѣ линіи крѣпостей по рѣкамъ Самарѣ и Яику и ихъ заселенію, по застроенію Оренбурга, который былъ отнесенъ имъ ниже на 180 верстъ отъ мѣста, отведеннаго Кирилловымъ — все это въ общихъ чертахъ достаточно разработано Н. А. Поповымъ. Кипучая дѣятельность Татищева не пришлась по сердцу его сотрудникамъ. Строгая законность, положенная имъ въ основаніе отношеній русскихъ къ инородцамъ, явилась совершенной новостью для администраціи края, привыкшей разсматривать инородцевъ съ точки зрѣнія не столько государственныхъ интересовъ, сколько своихъ собственныхъ; мѣры противъ хищеній и насилій, пожалуй, и были

ей понятны, но совершенно не вязались съ халатностью, съ которой велось управленіе краемъ и энергіей, направленной на ея личное обогащеніе. Кромѣ того товарищъ Татищева по экспедиціи мурза Тевкелевъ, темная личность изъ татаръ, оказавшій нѣкогда услуги русскому правительству приведеніемъ нѣсколькихъ киргизскихъ ордъ въ русское подданство, пожалованный за это полковникомъ и весьма гордившійся своими заслугами и знаніемъ киргизъ, не могъ переносить самостоятельной дѣятельности Татищева, его сношеній съ кабинетомъ и императрицей мимо его Тевкелева. Кромѣ того, по замѣчанію Н. А. Попова, ему не нравилась безраздѣльность власти Татищева въ Оренбургѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что крутой и властный характеръ Татищева создалъ ему много недоброжелателей.

Въ самый разгаръ своей дѣятельности, когда только едва начали намѣчаться и выясняться послѣдствія дѣятельности Кириллова и его личной, Татищевъ, получивъ утвердительный отвѣтъ на свою просьбу пріѣхать въ Петербургъ, выѣхалъ туда въ первыхъ числахъ января 1739 года, чтобы представить кабинету подробный отчетъ о своей дѣятельности и свои проекты дальнѣйшихъ мѣръ къ улучшенію края. Слѣдомъ за нимъ поѣхалъ Тевкелевъ съ доносомъ, полетѣли доносы изъ башкирскаго края, Татищеву пришлось остаться въ Петербургѣ, надъ нимъ была учреждена судная коммиссія, и 17 июня 1739 года на его мѣсто былъ назначенъ генераль-лейтенантъ князь Василій Урусовъ.

Со словъ Н. А. Попова всѣ біографы В. Н. Татищева приводятъ въ связь назначеніе слѣдственной надъ нимъ коммиссіи съ дѣломъ Волынскаго; на первый взглядъ въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчающаго дѣйствитель-

ности: извѣстны дружескія отношенія Татищева и Волынскаго, общность ихъ міровоззрѣнія и политическихъ убѣжденій, на вечерахъ у Волынскаго читалъ Татищевъ свою Исторію Россійскую, возбудившую столько толковъ въ Петербургскомъ обществѣ, за которую онъ получилъ опасную въ то время репутацію „аеиста“¹⁾, обоихъ не любили нѣмцы съ Бирономъ во главѣ, тѣмъ не менѣе въ вышеприведенномъ мнѣніи кроется коренная ошибка: дѣло въ томъ, что ни Попову ни другимъ не была извѣстна опредѣленно дата назначенія суда надъ Татищевымъ, которую даетъ первый же документъ изъ дѣлъ слѣдственной комиссіи. Дѣла ея открываются указомъ изъ Кабинета Правительствующему Сенату о назначеніи ея отъ 27 мая 1737 года за подписями Остермана, Волынскаго и кн. Черкаскаго, а между тѣмъ мы знаемъ, что первое мимолетное неудовольствіе собою Волынскій возбудилъ уже лѣтомъ того же года своимъ извѣстнымъ доношеніемъ, что впрочемъ не оказало существеннаго вліянія на расположеніе къ нему императрицы. 6 февраля 1740 г. онъ забавлялъ ее въ Ледяномъ Домѣ, а настоящая опала, такъ трагически для него окончившаяся, постигла его въ концѣ марта—въ началѣ апрѣля 1740 года. Такимъ образомъ мы видимъ, что Татищевъ былъ преданъ суду въ то время, когда Волынскій былъ еще могущественнымъ кабинетъ-министромъ и любимцемъ императрицы, не чаявшимъ надъ собою никакой грозы, и всего менѣе сношенія съ нимъ могли погубить Татищева. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отдать предпочтеніе показанію самого Василя Никитича, который позднѣе,

¹⁾ Корсаковъ. Изъ жизни русск. дѣят. XVIII в., стр. 306.

въ 1744 году въ письмахъ своихъ къ И. А. Черкасову рассказывалъ о своихъ злословіяхъ такъ: „Биронъ, ища себѣ не надлежащей власти и силы, вздумалъ, что я ему въ томъ, якоже и въ похищеніи великаго отъ сибирскихъ заводовъ дохода, препятствовать буду, разными образы искалъ меня губить: перво ссаривалъ съ Черкасскимъ, Салтыковымъ и Головкинымъ, что всѣмъ было извѣстно: но видя, что недостаточно, принудилъ на меня плутовъ бить челомъ, и незаконно судить велѣли, два раза безъ всякой вины подъ карауломъ держали, но Богъ по невинности моей меня избавилъ“ ¹⁾. Подробнѣе онъ излагаетъ ту же исторію въ другомъ письмѣ къ нему же: „въ 1734 г. Ея Императорское Величество повелѣла меня отправить въ Сибирь для размноженія заводовъ... Биронъ, увидя отъ заводовъ такъ великую государству пользу и прибыль каждагодно, вознамѣрился оной доходъ похитить. И въ началѣ опредѣлили начальникомъ саксонца Шомберга, которой ничего... не разумѣтъ,... а вскорѣ потомъ меня отлучили и чрезъ болохонца Осокина главные заводы похитить вознамѣрились, чему я противное мнѣніе представилъ. Они же на меня крайне озлобились, въ 1737 году перевели меня въ Оренбургскую экспедицію, которую по обману Тевкелева для чаемаго великаго прибытка начали, я же прибывъ усмотрѣлъ, что оное вымышлено болѣе для собственной нежели для казенной пользы, сталъ истину доносить и тѣ обманы обличать, которымъ онаго бывшаго герцога и Остермана наипаче озлобилъ за сіе. Какъ они скоро свѣдали, что Тевкелевъ и другіе, за ихъ неправости и беспорядки смиряемы, жаловались на меня, то

1) Пекарскій. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ стр. 42.

Остерманъ велѣлъ имъ бить челомъ и представить сіе императорскому величеству“¹⁾).

Вотъ причины преслѣдованія, которому подвергся Татищевъ, какъ онъ рассказываетъ ихъ самъ. При имп. Елисаветѣ личности Волынскаго и его соучастниковъ были идеализированы, какъ личности патріотовъ, пострадавшихъ за правую идею. Несомнѣнно, что Татищевъ не преминулъ бы указать на свое участіе въ ихъ страданіяхъ, если бы это дѣйствительно было такъ, между тѣмъ въ вышеприведенныхъ письмахъ нѣтъ никакого намека на что либо подобное.

Указъ о преданіи суду Татищева очень любопытенъ по своимъ подробностямъ, поэтому мы приводимъ его цѣликомъ.

„Изъ Кабинета Е. И. В. въ Правительствующій Сенатъ. Прилагаются при семъ разныя доношенія и дѣла, касающіяся до тайнаго совѣтника Татищева, съ надлежащею описью, по которымъ Е. И. В. указала слѣдовать и для тѣхъ дѣлъ учредить особую комиссію, въ которой быть одному изъ сенаторовъ и одному члену изъ военной коллегіи, да каморь-коллегіи лифляндскихъ дѣлъ совѣтнику Эмме и статсъ-рату Центаровію и сверхъ того къ той комиссіи опредѣлить изъ другихъ коллегій членовъ двухъ, кого Правительствующій Сенатъ за благо-разсудить, а канцелярскихъ служителей дать имъ потребное количество изъ тѣхъ, кого они пожелаютъ, и ежели впредь отъ кого подаваны будутъ на него Татищева какія доношенія или какъ съ той, такъ и съ другой стороны потребны будутъ какія изъясненія, оное все отъ нихъ той комиссіи требовать и его Татищева,

1) Ibidem, стр. 37.

ежели о чемъ Коммиссія за благо разсудить въ дополненіе допрашивать и производить то слѣдствіе со всевозможнымъ поспѣшеніемъ и безъ всякаго на обѣ стороны послабленія безпристрастно, какъ Е. И. В. указы повелѣваютъ, а по конечномъ изслѣдованіи, подписавъ свое мнѣніе, для высочайшей Е. И. В. конфирмаціи подать въ Кабинетъ, о чемъ изъ Кабинета Е. И. В. Правительствующему Сенату чрезъ сіе объявляется. Мая 27 дня 1739 года. Подписи.

Въ этомъ указѣ рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что выборъ членовъ Коммиссіи былъ представленъ Сенату за исключеніемъ двухъ, назначенныхъ самимъ Кабинетомъ. Ихъ нѣмецкія фамиліи и должности, занимаемыя ими и не имѣющія ровно никакого отношенія ни къ башкирскимъ дѣламъ, ни къ оренбургской экспедиціи, заставляють предполагать почти безошибочно за ихъ спинами руководящую руку Бирона и косвенное указаніе, чѣмъ слѣдуетъ сенату руководиться при выборѣ членовъ. Сенатъ хорошо понялъ это и назначилъ членами сенатора Василя Яковлевича Новосильцова, преданнѣйшаго слугу Бирона, сосланнаго послѣ его паденія въ свои деревни, откуда онъ болѣе не возвращался, членомъ отъ военной коллегіи бригадира Семена Караулова и двухъ совѣтниковъ юстицъ-коллегіи Квашнина-Самарина и кн. Сергѣя Долгорукова, человѣка безличнаго, сѣумѣвшаго однако не быть замѣшаннымъ въ процессъ Долгоруковыхъ и продержаться при смѣнѣ трехъ правительствъ, окончившаго жизнь президентомъ камеръ-коллегіи при Елисаветѣ. При такихъ условіяхъ рекомендація Коммиссіи безпристрастія, данная Кабинетомъ, получаетъ совершенно иную окраску: если даже допустить, что Карауловъ, Квашнинъ и Долгоруковъ были

люди съ независимымъ мнѣніемъ и безусловно расположенные къ Татищеву, и въ такомъ случаѣ голоса дѣлятся поровну съ перевѣсомъ предсѣдательскаго со стороны Бироновцевъ. Черезъ нѣсколько времени въ Комиссію назначенъ былъ членомъ Ив. Нащокинъ, котораго въ іюнѣ того же года замѣнилъ совѣтникъ Ив. Дивовъ. Впослѣдствіи сенатъ назначилъ присутствовать въ Комиссіи полковника Шишкина, о чемъ далъ знать промеморіей военной коллегіи. Коллегія отвѣтила, что Шишкину засѣдать въ Комиссіи невозможно, „понеже онъ самъ подъ судомъ находится“. Сенатъ не увидѣлъ въ этомъ препятствія и подтвердилъ назначеніе Шишкина, разрѣшивъ ему отлучаться изъ Комиссіи для допросовъ и присутствія на судѣ. Такимъ образомъ дѣла Комиссіи выясняютъ составъ ея, до сихъ поръ неизвѣстный.

Прежде чѣмъ изложить дѣятельность Комиссіи, я постараюсь выяснитъ тѣ дѣла, которыя послужили матеріаломъ для обвиненія Татищева и для созыва Комиссіи. Мы уже знаемъ, что Татищевъ, вступивъ на мѣсто Кириллова, началъ строго искоренять произволъ и взяточничество, совершенно справедливо видя въ нихъ корень всѣхъ инородческихъ возмущеній. Скоро ему пришлось доказать, что его указы и промеморіи строго согласны съ его дѣятельностью. Вскорѣ послѣ вступленія Татищева въ должность, башкиры воры напали на мирную башкирскую деревню Леукакаево и разграбили ее. Въ погоню за ними выступилъ капитанъ Лукомскій съ командой, нагналъ и разбилъ воровъ, а такъ какъ въ отбитомъ скотѣ, въ количествѣ 25 головъ, трудно было разобраться, что кому принадлежитъ, то Лукомскій рѣшилъ дѣло просто, взявъ его весь „себѣ“. Совершивъ

этотъ Соломоновъ судъ, онъ подѣлился полученной добычей съ уфимскимъ воеводой Шемякинѣмъ. Обиженные леукакаевцы, не понявъ совершенно такой системы распредѣленія, обратились съ жалобой въ Мензелинскъ къ одному изъ членовъ оренбургской экспедиціи, достойному сотруднику Татищева генераль-маіору Соймонову. Соймоновъ также не оказался способнымъ оцѣнить по достоинству мудрую политику Лукомскаго, подвелъ ее подъ понятіе грабительства и, снесшись съ Татищевымъ, назначилъ строгое разслѣдованіе. Попутно открылось участіе въ этомъ дѣлѣ Шемякина, открылись и другія его преступленія по должности, оказалось между прочимъ, что онъ обмѣнивалъ своихъ плохихъ лошадей на хорошихъ казенныхъ, бралъ взятки съ праваго и виноватаго, грабилъ башкиръ безъ милости. Завязалась оживленная переписка, полу-оффиціальная, полу-частная между Татищевымъ и Соймоновымъ о томъ, какъ бы захватить Шемякина въ распахъ. Переписка эта очень любопытна по подробностямъ и занимаетъ очень много мѣста въ дѣлѣ о Шемякинѣ. Шемякинъ, узнавъ какъ-то о собирающейся надъ нимъ грозѣ, несмотря на строгій секретъ, въ которомъ велось дѣло, развѣдалъ, что главный доносчикъ на него старшина дер. Леукакаево Мрясь Муллакаевъ и, чтобы какъ нибудь избавиться отъ него, обвинилъ его въ кражѣ казенной почты у посланнаго имъ драгуна и посадилъ его подъ караулъ. Соймоновъ подъ предлогомъ суда вытребовалъ Муллакаева къ себѣ, при чемъ слѣдствіе доказало полную непричастность Муллакаева къ этой пропажѣ. Татищевъ имѣлъ уже неудовольствіе на Шемякина, такъ какъ тотъ, недовольный новыми порядками, заводимыми въ краѣ, не считалъ для себя обязательными постановленія генеральнаго совѣта

и всячески старался показать свою независимость по отношенію къ Татищеву. Татищевъ отрѣшилъ Шемякина отъ должности и отдалъ его подъ военный судъ. Слѣдствіе обнаружило, что въ преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялся Шемякинъ, виновна вся воеводская уфимская канцелярія. Были привлечены къ отвѣтственности ассесоръ уфимской провинціи Алфимовъ, относительно котораго оказалось кромѣ обычныхъ взятокъ, что онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было продавать съ торговъ башкирскіе пожитки, расцѣпывалъ ихъ по самой низкой цѣнѣ и бралъ ихъ на себя, а иногда и вовсе не оцѣпывалъ ихъ. Секретарь канцеляріи Протопоповъ также попалъ подъ судъ за то, что скрывалъ ихъ преступленія и вдобавокъ пьянствовалъ.

Такія крутыя мѣры со стороны Татищева не могли не озлобить тѣхъ, противъ кого онѣ были направлены. Вдобавокъ подсудимые находились подъ особымъ покровительствомъ Тевкелева. Къ этому присоединилось поднятое Татищевымъ дѣло о полковникѣ Бердекевичѣ, который попалъ подъ судъ по обвиненію въ казнокрадствѣ, грабежѣ башкирь, утайкѣ ихъ пожитковъ и скота. Бердекевичъ приходился чуть ли не родственникомъ Тевкелеву, и это переполнило чашу терпѣнія послѣдняго, — онъ рѣшилъ избавиться отъ Татищева.

Вмѣстѣ съ доносомъ Тевкелева всѣ перечисленныя дѣла были переданы въ слѣдственную комиссію, и она занялась ихъ разборомъ, не смотря на то, что въ то же самое время отказала сенату принять къ разсмотрѣнію дѣло по доношенію Татищева на сибирскаго губернатора Бутурлина о томъ, что онъ не давалъ Татищеву солдатъ для усмиренія башкирь, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что по этому дѣлу Татищевъ не отвѣтчикъ, а до-

казатель. Но и въ вышеизложенныхъ дѣлахъ оказалось болѣе матеріала для обвиненія Шемякина и другихъ, чѣмъ Татищева, такъ что комиссіи пришлось выступить въ роли судьи лицъ, преданныхъ суду Татищевымъ. Дѣла ихъ впрочемъ пришли къ благополучному окончанію: Шемякинъ умеръ до произнесенія окончательнаго рѣшенія, Алфимовъ, Протопоповъ и др. попали подъ дѣйствіе всемілостивѣйшаго манифеста по случаю вступленія на престолъ Іоанна Антоновича, Бердекевичъ былъ оправданъ, при чемъ Татищевъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и орденовъ,—наказаніе, которому долженъ былъ подвергнуться Бердекевичъ въ случаѣ обвинительнаго ему приговора, вмѣстѣ съ тѣмъ приговоръ надъ Татищевымъ постановлено было считать не окончательнымъ до полнаго окончанія всего дѣла. Рѣшеніе это было произведено уже въ іюлѣ 1741 года. Такимъ образомъ комиссія освободилась отъ постороннихъ дѣлъ и могла окончательно сосредоточиться на доносахъ и взысканіяхъ поступавшихъ на Татищева.

Очевидно Биронъ очень интересовался скорѣйшимъ окончаніемъ дѣла. 8 сентября 1740 года оберъ-прокуроръ кн. Трубецкой сообщаетъ Новосильцеву изустное повелѣніе императрицы—скорѣе окончить Комиссіи свои дѣла, не позднѣе будущей недѣли. Комиссія отозвалась на это, что окончить такъ скоро никакъ невозможно, потому что присутственныя мѣста не присылаютъ требуемыхъ справокъ. 15 декабря 1740 года было прислано изъ сената подтвержденіе о немедленномъ окончаніи дѣла; Бирона уже не было у власти, и комиссію торопила правительница, послѣдовали такіе же указы отъ 16 іюня и 21 августа 1741 года о немедленномъ окончаніи дѣла безъ Татищева „за нынѣшнимъ его въ посылку отсут-

ствіемъ“. Документы не говорятъ, что это была за посылка. О ней не упоминаетъ и Поповъ. Свѣдѣнія объ этомъ обстоятельстве мы находимъ у Чупина—онъ говоритъ, что въ іюль 1741 года Татищевъ былъ посланъ усмирять астраханскихъ калмыковъ.

Дѣлу, очевидно, не суждено было окончиться. 25 ноября 1741 года на престолъ вступила Елисавета, и для сподвижниковъ Петра Великаго наступила новая эра. „Нынѣ нечаянно, яко во тѣмъ сидящаго, оставшій свѣтъ Петра Великаго паки на меня возсіялъ и единою печаль и страхъ разрѣшилъ“, писалъ по этому поводу Татищевъ Елисаветѣ¹⁾. 22 декабря сенатъ потребовалъ отъ Комиссіи „подать за руками присутствующихъ вѣдомость въ крайней скорости: помянутая Комиссія когда и по какому указу учреждена и со учрежденія оной сколько дѣлъ рѣшено и зачѣмъ оная по нынѣ продолжается“; что отвѣтила Комиссія неизвѣстно, но черезъ недѣлю, именно 31 декабря Татищевъ былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ. Тѣмъ не менѣ Комиссія не закрылась: въ дѣлахъ ея мы встрѣчаемъ далѣе указы о переводѣ ея въ Москву со всѣми дѣлами и обрѣтающимися во оной канцелярскими служителями²⁾. Не сохранилось указовъ, но существуютъ указанія, что Комиссія была снова переведена въ Петербургъ, наконецъ 21 іюля 1743 года въ Комиссіи былъ полученъ сенатскій указъ производимыя дѣла сдать по описи въ сенатскій архивъ, а бывшихъ во оной служителей отпустить въ прежнія мѣста откуда оныя взяты были, и до 1745

1) Пекарскій. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ, стр. 36. Письмо отъ 27 декабря 1741 г.

2) Отъ 17 февраля 1742 г.

года Татищевъ былъ оставленъ въ покоѣ; въ этомъ году надъ нимъ была учинена вторая судная Коммиссія, бумаги которой намъ пока неизвѣстны, но несомнѣнно хранятся гдѣ нибудь между дѣлами сенатскаго архива.

Доны Тевкелева и другихъ сверхъ ожиданія почти не даютъ матеріала для характеристики дѣятельности Татищева въ оренбургской экспедиціи. Помимо ихъ пристрастнаго отношенія къ нему, не смотря на свою обширность¹⁾, они наполнены мелочами и не даютъ цѣльнаго представленія о томъ, какъ дѣйствовалъ Татищевъ. Характерно то обстоятельство, что доносъ Тевкелева написанъ рукой полковника Бердекевича. Сущность доноса, послужившаго базисомъ для обвиненія Татищева и суда надъ нимъ, заключается въ слѣдующемъ: Исетская провинція создана имъ только для того, чтобы посадить въ ней своего брата Ивана Никитича воеводой; Татищевъ живетъ въ Самарѣ тогда какъ ему слѣдуетъ жить въ Оренбургѣ (Оренбургъ тогда только что началъ строиться, и мѣсто его основанія не было еще утверждено императрицей); строить свои присутственные мѣста въ Самарѣ, тогда какъ и ихъ слѣдуетъ строить въ Оренбургѣ, при чемъ употребляетъ въ дѣло новопоселенцевъ, не давая имъ самимъ обстраиваться; затѣмъ Тевкелевъ въ нѣсколькихъ пунктахъ подробно перечисляетъ неудобства и невыгоды того, что Татищевъ основался въ Самарѣ: благодаря этому слишкомъ много выходитъ на путевыя издержки при поѣздкахъ въ Оренбургъ; купцы, вмѣсто того, чтобы ѣхать туда, ѣдутъ въ Самару, и изъ Оренбурга нельзя сдѣлать торговаго

¹⁾ Доносъ Тевкелева въ 28 пунктахъ, изъ которыхъ 11 касаются „непорядковъ“ и 17—взятковъ.

пункта; благодаря отсутствію Татищева постройка Оренбурга идетъ медленно. Затѣмъ Тевкелевъ переходитъ къ сношеніямъ Татищева съ инородцами: Татищевъ по отношенію къ Ташкентскимъ купцамъ ведетъ себя крайне нетактично и грозно, чѣмъ ихъ весьма озлобляетъ, не оказываетъ имъ никакой помощи, а напротивъ всячески ихъ обижаетъ, русскихъ купцовъ не пускаетъ ѣздить въ киргизскую орду, тогда какъ этого требуютъ не только торговля, но и чисто дипломатическіе интересы; раздражаетъ киргизовъ нетактичнымъ и неумѣлымъ обращеніемъ, не дѣлаетъ предпочтенія мирнымъ передъ немирными, дѣлаетъ подарки старшинамъ безъ вѣдома Тевкелева, безъ его же вѣдома велъ съ ними переговоры, денежную часть экспедиціи передалъ своему брату Никифору, избилъ плетью протоколиста Маркова, — въ этомъ заключались служебные „непорядки“ Татищева. Далѣе Тевкелевъ приводитъ длинный списокъ взятокъ Татищева: онъ схватилъ въ Казани и арестовалъ купца Иноземцева, который велъ очень обширную торговлю и былъ весьма полезенъ, какъ кредиторъ для экспедиціи и ея поставщикъ, грозилъ его бить плетью и повѣсить, очевидно вымогая взятку; въ трехъ новоостроющихся городкахъ отдалъ питейную торговлю въ однѣ руки, взялъ 200 рублей съ комиссара Утятникова, взялъ безденежно у комиссара Воннова цугъ соловыхъ лошадей, взялъ 300 р. съ полковника Бахметева за опредѣленіе его въ Оренбургскій полкъ, взялъ съ капитана Дмитріева гнѣдого аргамака, продалъ въ казну не принадлежавшихъ ему коровъ и т. д. и т. д. до конца фигурируютъ кони, коровы, аргамаки, овчины, волчьи шкуры, чуть ли не борзье щенки. Къ сожалѣнію въ дѣлѣ не сохранилось возраженіе Татищева на этотъ доносъ, о его существо-

ваніи мы узнаемъ изъ контръ-возраженія Тевкелева на возраженіе Татищева, не прибавляющаго однако ничего новаго и интереснаго къ доносу. Оправданія Татищева становятся извѣстными изъ отвѣтовъ его на вопросныя пункты, поставленные ему Коммиссіей, къ нимъ мы вернемся ниже.

Къ доносу Тевкелева не преминули присоединиться и другіе, недовольные Татищевымъ. Подалъ протестъ и Бердекевичъ, подалъ челобитную и Семень Иноземцовъ, но скоро поспѣшили ретироваться послѣ того, какъ въ Коммиссіи была получена справка о томъ, что онъ нѣсколько разъ за плутни и неисправные подряды былъ битъ на торгу кнудомъ. Какъ оказалось, Иноземцова Татищевъ арестовалъ, будучи выведенъ изъ терпѣнія его недобросовѣстнымъ отношеніемъ къ подрядамъ. Предшественникъ Татищева Кирилловъ, какъ видно изъ имѣющихся въ дѣлѣ писемъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Иноземцовымъ, въ своихъ письмахъ онъ постоянно называетъ его „почтенный господинъ купецъ Семень Еремѣевичъ, мой особливый благодѣтель, мой другъ Семень Еремѣевичъ“. Подалъ челобитную и купецъ Ойрсовъ о томъ, что Татищевъ не заплатилъ ему за поставленный въ экспедицію провіантъ. Оказалось, что за провіантъ не было заплачено потому, что Татищевъ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ былъ отставленъ отъ экспедиціи, тѣмъ не менѣе Коммиссія приговорила Татищева къ уплатѣ изъ собственныхъ средствъ. Возникло въ Коммиссіи дѣло также по протесту полковника Давыдова. Послѣднее небольшое дѣло интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ между прочимъ, какъ Татищевъ наживалъ себѣ враговъ. Суть инцидента заключается въ слѣдующемъ: въ концѣ 1737 года Татищевъ

донесъ императрицѣ, что въ Казанской губерніи между рѣками Сокомъ и Черемшаной населены вновь деревни безъ указа. На слѣдующій годъ для разслѣдованія объ этомъ былъ отправленъ сенатомъ полковникъ Семень Давыдовъ, въ инструкціи котораго было сказано, чтобы онъ требовалъ отъ Татищева обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ и по полученіи ихъ ѣхалъ въ тѣ деревни для разслѣдованія на мѣстѣ. Татищевъ поручилъ доставлять нужныя Давыдову свѣдѣнія полковнику Спичинскому, тотъ прислалъ опись закамскихъ новопоселенныхъ внутри линіи деревень, въ опись эту попали деревни относительно которыхъ Давыдову разслѣдовать было не нужно. Чтобы не переписывать описи вторично, Татищевъ размѣтилъ въ присланной подлежащія къ разслѣдованію отъ неподлежащихъ (не подлежали тѣ, которыя просуществовали на мѣстѣ отъ 35 до 60 лѣтъ). Давыдовъ не понялъ системы отмѣтокъ Татищева и поднялъ споръ о вѣрности описи, Татищевъ заупрямился, произошло столкновение, вспыльчивый Татищевъ не уступилъ и вмѣсто передѣлки описи, чего требовалъ Давыдовъ, посадилъ его подъ арестъ. Пока тянулись споры, и Давыдовъ отсиживалъ подъ арестомъ, прошло довольно времени и слѣдствіе естественно затянулось. Коммиссія совершенно правильно нашла виновнымъ въ промедленіи Татищева и приговорила его къ денежному штрафу, отъ котораго онъ былъ однако освобожденъ въ силу милостиваго манифеста.

Главный интересъ излагаемыхъ документовъ заключается не въ доносахъ и не въ дѣлопроизводствѣ Коммиссіи. П. А. Поповъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей монографіи говоритъ: „за все время управленія Татищевымъ оренбургской экспедиціей башкирскихъ дѣлъ

въ московскомъ архивѣ М. И. Д. не сохранилось. Въ 1746—52 г.г. была учреждена слѣдственная Коммиссія о башкирскомъ бунтѣ; она требовала всѣ башкирскія дѣла изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и тогда уже за эти годы дѣлъ не нашлось; ихъ по всей вѣроятности надо искать въ дѣлахъ слѣдственной Коммиссіи о Татищевѣ¹⁾. Съ прозорливостью истиннаго историка Поповъ угадалъ совершенно вѣрно: дѣла слѣдственной Коммиссіи даютъ наиболѣе цѣнный и полный матеріалъ для исторіи дѣятельности Татищева за время управленія имъ оренбургской экспедиціей и башкирскимъ краемъ. Въ видѣ справокъ въ Коммиссію были присланы изъ Кабинета и изъ Сената всѣ донесенія Татищева за вышеуказанный періодъ и отвѣты на нихъ обоихъ этихъ учреждений; въ дѣлѣ сохранились и именныя Высочайшіе указы Татищеву. Кромѣ официальныхъ доношеній еще большій интересъ представляютъ изъ себя сохранившаяся въ дѣлѣ громадная переписка Татищева съ разными членами экспедиціи, переписки этихъ членовъ между собою, указы изъ канцеляріи Татищева и ордера разнымъ лицамъ и сохранившаяся къ величайшему сожалѣнію въ небольшихъ отрывкахъ „дневальная книга, происходящая въ бытность тайнаго совѣтника Татищева въ оренбургскомъ походѣ“. Относительно этого въ высшей степени важнаго и любопытнаго документа въ дѣлѣ имѣется слѣдующая интересная замѣтка: „...черная.... а бѣлая имѣется въ Самарѣ въ канцеляріи оренбургской коммиссіи“. Слѣдовательно, если дѣла оренбургской коммиссіи поступили въ одинъ изъ самарскихъ архивовъ то есть полная надежда предполагать, что эта драгоценная

¹⁾ Н. А. Поповъ. В. Н. Татищевъ и его время пр. 100.

книга сохранилась и может быть современем будетъ известна. Отрывки изъ нея, имѣющіяся въ дѣлахъ комиссіи, носятъ получастный, полуофициальный характеръ; есть извѣстіе у Чупина, что въ бытность свою въ оренбургскомъ краѣ Татищевъ обрабатывалъ первый томъ своей исторіи. Если только онъ заносилъ ходъ своихъ работъ въ свой дневникъ, то несомнѣнно исторія его трудовъ обогатилась бы новымъ драгоценнымъ матеріаломъ. Чупинъ упоминаетъ также о дневникѣ Татищева за февраль и мартъ 1734 года, хранящемся въ екатеринбургскомъ горномъ архивѣ.

Вышеупомянутая переписка Татищева и другихъ представляетъ интересъ еще въ томъ отношеніи, что частныя письма представлялись обѣими сторонами, какъ обвинительные и оправдательные документы, слѣдовательно есть полная возможность прослѣдить дѣятельность Татищева безпристрастно, не ссылаясь на односторонность и искусственный подборъ документовъ. Къ сожалѣнію всѣ вышеперечисленные документы находятся въ беспорядкѣ, разбиты по всѣмъ 12-ти томамъ дѣлъ Коммиссіи и попадаютъ даже тамъ, гдѣ имъ вовсе казалось бы не слѣдовало бы попадаться—напримѣръ въ приходо-расходныхъ книгахъ комиссіи или въ дѣлахъ о наймѣ въ нее служителей. Первый же бѣглый просмотръ донесеній Татищева повергаетъ изслѣдователя въ невольное изумленіе: онъ управлялъ экспедиціей 2 года и 1 мѣсяць и за это время успѣлъ обмѣняться съ Кабинетомъ почти 200-ми донесеніями и указами. Сюда, конечно не входятъ обильные указы, ордера, предписанія, промеморіи и письма, сыпавшіяся во всѣ стороны изъ его канцеляріи и отъ него лично. Просматривая его бумаги, его

можно упрекнуть въ чемъ угодно, только не въ бездѣятельности.

Въ краткомъ обзорѣ невозможно передать содержанія бумагъ Татищева, — въ однихъ донесеніяхъ его достаточно матеріала для большого изслѣдованія объ Оренбургскомъ краѣ и о колонизаторской дѣятельности русскаго правительства за указанный періодъ, въ задачу нашу входитъ лишь краткая характеристика матеріаловъ, заключающихся въ этихъ бумагахъ. На первый планъ слѣдуетъ поставить отвѣтъ Татищева на вопросные пункты. Ихъ ему было предъявлено 109. Впослѣдствіи, вспоминая о своихъ зловлюченіяхъ, въ письмѣ своемъ къ И. А. Черкасову Татищевъ отзывался объ этихъ пунктахъ слѣдующимъ образомъ: „бывшій секретарь Яковлевъ сочинилъ мнѣ вопросные пункты, противные формѣ суда и точнымъ указамъ, ибо именъ челобитчиковъ не показалъ, изъ челобитья ихъ бралъ не порядкомъ, но смѣшивалъ, и одинъ пунктъ разбилъ на многіе, а многое отъ себя прибавилъ чего въ челобитьяхъ нѣтъ“ ¹⁾). Внимательное сравненіе доноса, челобитій и протестовъ съ вопросными пунктами подтверждаютъ это показаніе Татищева. Въ отвѣтахъ своихъ Татищевъ на разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ того, что онъ жилъ въ Самарѣ, а не въ Оренбургѣ отвѣчаетъ разсужденіями же, и трудно установить на чьей сторонѣ правда, такъ какъ въ сущности эта часть обвиненія и оправданія представляетъ изъ себя личныя мнѣнія спорящихъ. Татищевъ однако все время опирается на Высочайшія аппробаціи своихъ донесеній и мнѣній, внесенныхъ въ Кабинетъ. Ту часть доноса, которая гово-

¹⁾ Пекарскій. Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ стр. 38.

рить о его нетактичности и неумѣннн обращаться съ инородцами, онъ разбиваетъ опять таки съ официальными документами въ рукахъ, ссылаясь постоянно на опредѣленія генеральнаго совѣта, подписаннаго и Тевкелевымъ. Относительно своихъ взятокъ онъ приводитъ цѣлый рядъ документовъ, опираясь на которые онъ доказываетъ недобросовѣстность этой части обвиненія; — комиссаръ Утятниковъ заплатилъ Татищеву долгъ третьяго лица, довѣрившаго это дѣло Утятникову, съ Бахметева онъ не бралъ ничего, а купилъ у него перстень, за который заплатилъ ему деньгами, что и подтверждается рядомъ писемъ Бахметева. Лошади, забранныя будто бы, какъ взятки, оказываются по большей части купленными или вымѣненными, и все это подтверждается имѣющимися въ дѣлѣ документами.

Конечно, отвѣты не удовлетворили Комиссію, были затребованы справки изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и они то по большей части и составлены изъ тѣхъ документовъ, о которыхъ я говорилъ только что.

Мы уже указывали, какъ проявляется неустанная дѣятельность Татищева въ его донесеніяхъ. Здѣсь мы ограничимся лишь краткимъ перечнемъ того, что даютъ его донесенія и письма. Осмотрѣвъ заложенный Кирилловымъ Оренбургъ и найдя мѣсто отведенное для него неудобнымъ, такъ какъ пути сообщенія съ ними были изъ рукъ вонъ плохи, Татищевъ тотчасъ принялся строить въ Самарѣ магазины и торговые ряды, желая сдѣлать изъ этого города операціонный базисъ для торговыхъ сношеній съ Оренбургомъ, который онъ послѣ долгихъ и упорныхъ изысканій перенесъ въ урочище Красной Горы; сообщеніе съ этимъ пунктомъ было гораздо удобнѣе. Очень любопытно сношенія Татищева по этому поводу

съ Кабинетомъ. На всѣ представленія его Кабинетъ отвѣчалъ очень уклончиво, предоставляя ему дѣйствовать на свой рискъ и страхъ. Киргизы отвлекали вниманіе Татищева отъ ввѣренной ему экспедиціи,— Кабинетъ не давалъ ему по этому поводу почти никакихъ указаній, отдѣлываясь общими фразами и ссылками на инструкцію данную ему; кромѣ того Тевкелевъ своими вмѣшательствами часто тормозилъ ему все дѣло, наружно соглашаясь во всемъ съ Татищевымъ, но тотчасъ же дѣлая по своему, какъ только ему приходилось дѣйствовать одному. Между тѣмъ башкиры мало по малу успокоивались отъ недавняго возмущенія и понемногу стали приходить къ Татищеву съ повинной. Зачинщики „главные воры“ однако не являлись, а просили письменно, чтобы для ихъ успокоенія отпустили двухъ изъ пойманныхъ главарей возмущенія. Татищевъ представлялъ объ этомъ въ Кабинетъ, предлагая ихъ не казнить, а держать гдѣнибудь, хотя бы на примѣръ въ Казани, на порукахъ. Кабинетъ распорядился высылкой ихъ въ Петербургъ.

Любопытны очень донесенія Татищева послѣ осмотра новостроющихся крѣпостей; въ головѣ его уже образовался планъ по какой линіи ихъ расположить и кѣмъ заселить, Кабинетъ отвѣтилъ своей обыкновенной ссылкой на инструкцію. Переписка Татищева и другихъ ярко рисуетъ неофициальную сторону жизни въ новонаселявшихся мѣстахъ и дѣятельность лицъ, призванныхъ вызвать къ жизни пустынный и дикій край. Эта переписка еще разъ подчеркиваетъ хроническіе недостатки, свойственные русскимъ дѣятелямъ того времени: полное неумѣніе дѣйствовать солидарно, преслѣдованіе личныхъ интересовъ въ ущербъ государственнымъ, стремленіе во что бы то ни стало играть каждому первую роль въ

краѣ, постоянныя жалобы, плохо скрываемыя, а подчасъ и совѣтъ не скрываемыя алчныя инстинкты, зависть и недоброжелательство по отношенію другъ къ другу, низкопоклонничество передъ сильными,—вотъ тѣ неприглядныя черты, которыми приходится охарактеризовать мѣстныхъ дѣятелей; свѣтлыми точками на этомъ сѣромъ фонѣ выдаются личности Татищева, Соймонова и Хрущова, казеннаго въ послѣдствіи вмѣстѣ съ Волынскимъ, дѣлавшихъ свое дѣло, къ которому они были призваны, не за страхъ, а за совѣсть.

Память Татищева, какъ историка, достаточно реабилитирована, но укоръ во взяточничествѣ тяготеетъ надъ нимъ до сихъ поръ. Многіе пытались объяснить это духомъ времени, средой въ которой Татищеву приходилось вращаться и т. п. Мы со своей стороны далеки отъ мысли брать на себя трудную задачу защитить его отъ этого упрека, позволимъ лишь себѣ въ заключеніе дать слово объ этомъ самому Татищеву и приведемъ его слова, которыми онъ заканчиваетъ вопросные пункты: „...мои дѣла свидѣтельствуютъ, что я будучи при заводахъ, еслибъ хотѣлъ наживать, могъ сто разъ болѣе, нежели всѣ неправо показанныя на мнѣ взятки, тамо получить, какъ свидѣтельствуюсь моими всеподаннѣйшими доношеніи и доказательствами, что Демидовъ за гору Благодать, прежде нежели другой кто объ ней зналъ, 3000 рублей принося просилъ, чтобъ я по данной мнѣ инструкціи ему отдалъ; Осокинъ о той же просилъ и генераль-бергъ-директоріумъ на то соизволили, за которое если бы я хотѣлъ безсовѣстенъ быть не пожалѣлъ бы онъ десяти тысячъ, и мнѣ было съ генераль-бергъ-директоріумомъ согласовать не трудно; ему жъ Осокину Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ за разоренной Табы-

ской заводъ заплатить 25000 рублей, но я разсмотрѣвъ обстоятельства, не лстясь на обѣщанія и не боясь грозъ, не могъ въ томъ Правительствующему Сенату во всемъ согласовать, въ чемъ ссылаюсь на мои доношенія; а затѣмъ не упоминаю отъ раскольниковъ и отъ другихъ по тысячѣ и по двѣ приносимы не принялъ; въ случаѣ нужды не токмо мои собственныя, но занимая для себя у постороннихъ деньги, для исправленія нуждъ казенныхъ давалъ, и нынѣ въ казнѣ такихъ тысяча рублей... по комиссіи, порученной мнѣ отъ ея императорскаго величества, не токмо никакой себѣ прибыли не искалъ, но паче своего и малаго имѣнія, гдѣ для чести и пользы ея императорскаго величества разумѣлъ, ничего не жалѣлъ“.

Въ заключеніе нельзя не пожелать горячо, чтобы дѣла 1-й слѣдственной комиссіи, были изданы въ возможно скоромъ времени. Нѣтъ надобности, конечно издавать ихъ въ полномъ видѣ, на первое время достаточно было бы извлечь матеріалъ имѣющій общеисторическій интересъ, какъ то: донесенія и указы и переписку Татищева, несомнѣнно, что такое изданіе обогатило бы интереснымъ вкладомъ русскую историческую науку.
